

Черноиваненко Е.М.

доктор филологических наук, профессор,
кафедра общего и славянского литературоведения,
декан филологического факультета
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Французский бульвар 24/26, Одесса, Украина, 65058
eugene.chernoivanenko@gmail.com

ВСПОМИНАЯ УЧИТЕЛЯ

Среди тех, кто в последней трети прошлого века работал на филологическом факультете Одесского университета, было немало ярких индивидуально-стей. Но и в их окружении Арнольд Алексеевич выделялся одарённостью и своеобразием. Литературовед милостью Божьей, он прекрасно знал историю, философию, психологию. Уважение к чужому мнению сочеталось в нём со смелостью собственных суждений; редкостная для гуманитария логичность мышления оттенялась даром глубоко прочувствовать то «невыразимое», которое всегда есть в художественном произведении; высокая требовательность и принципиальность, нередко внушавшие трепет, соединялись с отзывчивостью, готовностью помочь, а педантизм – с удивительной широтой души. Противоречивым был уже сам его габитус: мощная приземистая фигура, выдававшая недюжинную физическую силу, строгий испытующий взгляд из-под насупленных бровей, «ревизорские» интонации голоса – всё это не слишком располагало к общению с Арнольдом Алексеевичем, но стоило ему улыбнуться, сымпровизировать блестящую остроту, на каковые он был великим мастером, - и лицо его, пусть на несколько мгновений, преображалось, становясь добрым, мягким, весёлым.

Он учил всех нас не только филологическому мастерству – он учил искусству жить, и потому для многих из нас был не только преподавателем, но и Учителем. Как истинный Учитель, он учил не проповедями, а примером собственной жизни.

Людам, любящим литературу, свойственно, анализируя личность человека, находить в ней черты известных литературных героев и таким образом характеризовать и объяснять её. Вспомним примеры из классики: «Гамлет Щигровского уезда», «Леди Макбет Мценского уезда», «Гамлет и Дон Кихот». Личность Арнольда Алексеевича трудно измерить мерками кого-либо из литературных героев, но мне кажется, что черты двух из них очень ярко проявились в нём – Дон Кихота и Тараса Бульбы.

Арнольд Алексеевич был человеком незыблемой жизненной позиции и неизменных принципов. Даже в конце 80-х – начале 90-х, в эпоху тотального крушения идеалов, эпоху переоценки всех ценностей он остался верен своим всегдашним убеждениям. Тогда это могло казаться догматизмом. Теперь понимаешь, что это было нечто совсем иное.

В его вере в социализм была не слепота человека, не видящего очевидных пороков системы, а жажда гуманного, справедливого социального устройства, жажда той гармонии с миром, которую объяснил Гегель и которую воспел Гоголь, тоже тосковавший по ней.

В этом желании гармонии он нередко идеализировал строй, в котором мы тогда жили. В последнем долгом, почти полтора часовом разговоре со мной он, в частности, вспомнил об энтузиазме и патриотизме людей предвоенной поры, об их оптимизме и вере в светлое будущее. При этом ему, наверное, не хотелось вспоминать о том, что в те годы было и многое другое - тяжёлое и страшное. Это было донкихотское умение видеть в замухрышке прекрасную Дульсинею, а в каторжниках – благородных и чувствительных людей. Увы, этот строй только на словах ценил донкихотство. Этот строй умел брать от каждого по способности, но плохо умел давать каждому по труду. Не получил от него того, что заслужил по праву, и Арнольд Алексеевич. И потому жизнь его была нелёгкой.

Но в окружении трудных и нередко неблагоприятных обстоятельств он был Тарасом Бульбой – человеком героическим и бесстрашным. Он никогда и ничего не боялся – не боялся начальства, и потому не был чинушей, не боялся врагов, и потому никогда не интриговал и не мстил, не боялся трудностей, и потому взялся исследовать творчество двух самых трудных для изучения русских писателей – Пушкина и Гоголя. Он не боялся авторитетов, и потому с таким уважением и даже опаской относились к нему многие известные столичные ученые.

Впрочем, и на факультете его многие побаивались (в том числе и я: и тогда, когда был студентом, а он – заместителем декана, и тогда, когда он был деканом, а я был его заместителем), но, боясь опоздать хоть на минуту на занятие, не говоря уже – сорвать его, боясь простых, казалось бы, вопросов Арнольда Алексеевича при обсуждении твоего доклада на теоретическом семинаре или научной конференции, боясь его прихода на твою открытую лекцию, мы были спокойны и уверены в главном: как Дон Кихот и Тарас одновременно, он никогда не употребит власть во зло, его сила – сила добра, если нужно, он сможет защитить от любой грозы. Вот почему по-настоящему его боялись и не любили только те немногие, в ком не было ни благородного идеализма Дон Кихота, ни подлинного героизма Тараса Бульбы.

Наверное, любить его было непросто. Нелегко порой было с ним и нам, и, как следует из рассказов Раисы Дмитриевны, его близким. И это понятно: нам нередко трудно было соответствовать масштабу его личности, соответствовать его представлениям о профессионализме, его жёстким моральным требованиям. Нелегко порой было и близким, ибо, как и положено героической личности, он не опускался до прозы жизни, до бытовых мелочей и неурядиц, не опускался из бытия в быт. Он их не видел, как не видел их Дон Кихот, а если видел, то презирал, как презирал их Тарас Бульба. Однако от этого бытовые проблемы и неурядицы не исчезали.

Но, с другой стороны, думаю, и ему с нами часто было трудно и, может быть, одиноко: немногие по масштабу личности могли встать рядом с ним, с годами таких людей становилось все меньше. Кажется, Василий Васильевич Фашенко стал последним из них, и его уход Арнольд Алексеевич воспринял как предвестие своего ухода. Ему, герою эпопеи, всё труднее было жить в действительности плутовского романа.

Он не был равнодушен к людям, и в этом равнодушии не было ни грана корыстного расчёта, неискренности или самолюбования. И люди интуитивно чувствовали это и тянулись к нему, не слишком боясь его напускной суровости. И потому он на факультете всегда был окружён людьми. И потому так много людей пришло проститься с ним, когда он свершил свой земной путь. И потому так много людей до сих пор помнят его и в память о нём издают книги с его трудами и трудами в его честь, с воспоминаниями о нём, проводят научные конференции. Работы профессора А.А.Слюсаря, его идеи продолжают свою активную жизнь в нашей науке, а значит, «весь не умер» и сам он, в соответствии с пророчеством великого поэта, изучению которого он посвятил большую часть своей жизни.

Статтю подано до редколегії 12 вересня 2020 р